УРАЛЬСКІЙ КАЗАКЪ.

Пришло жаркое, знойное лѣто, которое длится въ полуденныхъ степяхъ нашихъ ровно четыре мѣсяца: май, іюнь, іюль и августъ — пришло и налегло душнымъ маревомъ на уральскую степь, чтобы поверстаться за суровую пяти–мѣсячную зиму. Уральское войско, вытянутое станицами своими лентой по теченію рѣки Урала, верстъ на 800, ожило послѣ кратковременнаго отдыха; по городкамъ, форпостамъ и крѣпостямъ стали бѣгать и суетиться, словно земля подъ народомъ накалилась и не даетъ никому ни стать ни сѣсть. Вскорѣ все войско стянулось повыше Бударинскаго; тысячи три служилаго народа — а тысячъ шесть было уже на службѣ, три по линіи, да три на внѣшней — тысячи три, не считая работниковъ, столпились на голой, безплодной степи, на сухомъ морѣ, привезли на подводахъ

каждый бударку*) свою, ярыги или сѣти, привезли по работнику киргизскому въ мохнатомъ лисьемъ малахаѣ — видно пугать лѣто, — стали на первомъ плавенномъ рубежѣ и ждутъ пушки*). А гдѣ же Проклятовъ, лысый гурьевскій казакъ, который вѣкъ на службѣ, а отъ уряду бѣгаетъ, потому что бѣденъ, а семья у него большая? Тутъ онъ, глядите, стоитъ, въ толпѣ подъ яромъ, безъ шапки; лысина отъ бровей до затылка, прикусилъ губу, уставилъ зоркіе глаза на рыболовнаго атамана, который одинъ однимъ разъѣзжаетъ, ровно князь какой по рѣкѣ; на него уставилъ глаза Проклятовъ, какъ лягавый на кустъ, подъ которымъ сидитъ куропатка; въ правой рукѣ держитъ коротенькое весло, лѣвою ухватился за тонко выстроганный и окованный носъ бударки, ждетъ по знаку атаманскому пушки, чтобы секунды одной не прозѣвать, столкнуть челнокъ на воду, выкинуть ярыгу

*) Долбленый челнокъ, тонко и красиво обдѣланный, легкій и ходкій. Онъ употребляется на всѣхъ лѣтнихъ рѣчныхъ рыболовствахъ.

*) До пушки, которая палитъ по условному знаку рыболовнаго атамана, никто не смѣетъ ступить на ледъ или спустить бударку на воду: всѣ кидаются вдругъ и въ запуски по вѣстовой пушкѣ.

и вытащить осетра. Съ Проклятова потъ льетъ градомъ только въ ожиданіи будущихъ благъ; а что же будетъ какъ пойдетъ работа?

Вѣкъ на службѣ Проклятовъ, рѣдкой годъ дома, а отъ урядничьяго чина три раза отмаливался; хочетъ быть рядовымъ казакомъ. Урядникъ идетъ, куда пошлютъ, по очереди, наемки не беретъ ни гроша, а казакъ возьметъ съ міру по чемъ придется, да и самъ сытъ и обутъ и домашніе тожъ: потому–то онъ отъ уряду бѣгаетъ, а отъ *звѣря*, какъ онъ называетъ рыбу, не бѣгаетъ, лишь бы она отъ него не ушла. Не любитъ онъ только этихъ водяныхъ сверчковъ, что у насъ раками зовутся: онъ ихъ поганыхъ и въ руки не возьметъ ни за что.

Проклятовъ гурьевскій казакъ стариннаго закалу: ростомъ не великъ, плотенъ, широкъ въ плечахъ, навертываетъ и въ 30 град. морозу на ноги, для легкости, по одной портянкѣ, надѣваетъ въ зимніе степные походы кожаные либо холщевые шаравары на гашникѣ и если буранъ очень

рѣзокъ, то сидя верхомъ прикрываетъ ляшку съ навѣтренной стороны полою полушубка. Морозу онъ не боится, потому что морозъ крѣпитъ; да и оводъ и муха и комаръ не обижаютъ у него коня; жару не боится потому, что паръ костей не ломитъ; воды, сырости, дождя не боится потому, какъ говоритъ, что съ–измала въ мокрой работѣ, по рыбному промыслу, что Уралъ золотое дно, серебряна покрышка, кормитъ и одѣваетъ его, стало быть на воду сердиться грѣхъ, это даръ Божій, тотъ же хлѣбъ. Проклятовъ до того любитъ воду — коли нѣтъ вина — что на морскомъ рыболовствѣ и на морской службѣ по Каспійскому морю, пьетъ безъ всякихъ околичностей воду морскую и отвѣчаетъ вамъ на вопросъ: хороша–ли? горонитъ маленько! Борода ему дороже головы; въ этомъ отношеніи Проклятовъ сущій турокъ; но отправляя сына на внѣшнюю службу, въ Москву, онъ выбрилъ ему бороду, приказавъ отпустить ее, когда воротится домой, и утѣшивъ и себя и сына въ этомъ несчастіи тѣмъ, что–де родительницы

замолятъ грѣхъ. Дома Проклятовъ не пѣвалъ отъ роду пѣсни, не сказывалъ сказки, не пѣлъ, не плясалъ, не скоморошничалъ никогда; о трубкѣ и говорить нечего, онъ дома ненавидѣлъ ее пуще водянаго сверчка, да и не бывало ее таки въ заводѣ, ни у кого въ цѣломъ войскѣ. Сказывали, что есть чиновники войсковые, которые, въ похвальбу передъ стороннимъ начальствомъ, носили тайкомъ отъ своихъ въ рукавѣ табакерочку; да это можетъ статься и напраслина, какъ ее много бываетъ на свѣтѣ. На походѣ — Проклятовъ первый пѣсенникъ, хоть и гнуситъ немного, на старинный церковный ладъ — первый плясунъ, и балалайка явится на третьемъ переходѣ, словно изъ земли выростетъ — и явится трубка и табакъ; а родительницы дома на досугѣ отмаливаютъ и замаливаютъ. Родительницами называетъ онъ не только старуху мать свою, но и тетку, и сестру, и хозяйку, и дочь: весь женскій полъ. Онѣ всѣ знаютъ церковной грамотѣ, служатъ сами по старопечатнымъ книгамъ, хозяйничаютъ изъ покупнаго

добра — потому что своего, кромѣ рыбы и скота, нѣтъ ничего, ниже хлѣба — ткутъ шелковые пояски, шьютъ сарафаны на себя, съ отборной девятой пуговицей — а рубахи съ шелковыми рукавами; вяжутъ понемногу чулки — другой работы у нихъ нѣтъ. Главное занятіе ихъ: воспитывать ребятъ въ постоянныхъ правилахъ и обычаяхъ домашняго изувѣрства, которое, какъ мы видѣли, соблюдаясь съ неприкосновенною святостію на дому, нарушается безъ всякаго стѣсненія на службѣ и вообще внѣ войсковыхъ предѣловъ. Описывая какую погоду любитъ и не любитъ старикъ Проклятовъ, мы забыли упомянуть собственно о буранѣ, о зимней мятели, отъ которой ежегодно гибнетъ множество людей и скота. Ее Проклятовъ не жалуетъ; это крутитъ сатана, бунтуетъ противъ святой власти, и отъ этого буранъ погода изъ ряду вонъ и не годится никуда. Тутъ и скотина одурѣетъ, говоритъ Проклятовъ, не токма что человѣкъ.

Пришла осень — старикъ опять идетъ съ цѣлымъ войскомъ, ровно на войну, на рыболовство. На тѣсной и быстрой рѣкѣ столпятся тутъ отъ рубежа до рубежа тысячи бударокъ — тутъ булавкѣ упасть негдѣ, не только сѣти выкинуть; а Проклятовъ, какъ и всѣ другіе, плаваетъ связками, попарно, вытаскиваетъ рыбу, чекушитъ ее и сваливаетъ въ бударку; саратовскіе и московскіе промышленники слѣдятъ берегомъ пловучую толпу рыбаковъ и держатъ деньги на готовѣ; къ вечеру раздѣлка. Тутъ кажется всѣ другъ друга передушатъ, передавятъ и вечера не доживутъ: крикъ, шумъ, брань, стукъ, толкотня на водѣ, какъ въ самой жаркой рукопашной свалкѣ: давятъ и душатъ другъ друга, бударки трещатъ, казаки, стоя въ нихъ и управляя ими, раскачиваются въ обѣ стороны, чуть носомъ воды не достаютъ — вотъ всѣ потонутъ, всѣ другъ друга замнутъ и затопятъ — ничего не бывало; всѣ разойдутся, живы–здоровы, чтобы завтрашній день начать со слѣдующаго рубежа, опять по пушкѣ, ту же продѣлку: и

такъ вплоть до Гурьева, до взморья, или по крайней–мѣрѣ до низовыхъ станицъ. Проклятовъ гребетъ, рвется, изъ шкуры лѣзетъ, летитъ въ запуски, гребетъ сильно коротенькимъ весельцомъ своимъ, имъ же правитъ, имъ же расчищаетъ себѣ дорогу въ этомъ непроходимомъ лѣсу бударокъ, расталкиваетъ ихъ вправо и влѣво, не заботясь о томъ, куда которая летитъ — и ярыгу вытаскиваетъ и рыбу чекушитъ — и его толкаютъ взадъ и въ бокъ и въ передъ — нужды нѣтъ, онъ только кричитъ и бранится и зная уже, что никто его не слышитъ и не слушаетъ, потому что всякій занятъ своимъ, онъ и самъ продолжаетъ свое, облегчая только стѣсненное положеніе свое бранью, на–вѣй–вѣтеръ. Впрочемъ, никогда не употребляетъ онъ коренныхъ русскихъ ругательствъ: и это также можно дѣлать только въ командировкахъ и въ походахъ: дома грѣшно.

Пришла зима — Уралъ замерзъ, снѣжное море покрыло необозримую степь; голодные и холодные киргизы сидятъ

смирно и спокойно на зимовкахъ: не до того имъ, чтобы прорываться по ночамъ тутъ или тамъ и угонять стада и табуны — все замерзло; а Проклятовъ опять снаряжается на рыболовство, на багренье. Опять онъ тутъ, подъ самымъ Уральскомъ, гдѣ въ сборѣ цѣлое войско, опять мечется по пушкѣ какъ угорѣлый, зря, очертя голову, съ яру на ледъ, на людей, топчетъ, давитъ, не щадя ни себя, ни другихъ — просѣкаетъ наваренною сталью пешней въ три маха двѣнадцати–вершковый ледъ, опускаетъ шести–саженный багоръ, коего другой конецъ, перегибаясь чрезъ плечо, волочится по льду — поддѣваетъ рыбу, подхватываетъ ее подбагренникомъ — кричитъ какъ будто кто его рѣжетъ: Ой братцы помогите, — коли сила не беретъ управиться одному съ бѣлугой, кричитъ неумолчно, хоть и знаетъ, что ему никто не пособитъ, какъ и самъ онъ никому не подастъ помощи за недосугомъ — а кричитъ; вытаскиваетъ ее наконецъ кой–какъ самъ на ледъ, упарившись зимой въ одной рубахѣ до мокраго поту — и

окунувшись раза три по шею въ воду, выбирается съ добычей своей на сухой берегъ. Окунулся онъ потому, что тысячи рыболововъ, кинувшихся на ледъ, на одну зазнамо хорошую ятовь*) , искрошили въ четверть часа весь ледъ подъ собою, вытаскивая на всѣхъ точкахъ рыбу, и вскрыли всю рѣку. Проклятовъ выгородилъ себѣ кой–какъ небольшой комокъ льду, отстоялъ его, удержался на немъ, сложивъ тутъ же три–четыре рыбки, рублей на сто или побольше, и упираясь багромъ, который гнется какъ веревка, и захвативъ пешню свою ногами, а подбагренникъ въ зубы, переправился на этомъ паромѣ благополучно, сдалъ тутъ же товаръ и взялъ деньги. Льдина переворачивалась подъ нимъ раза три, да Проклятовъ на нее и не глядѣлъ: онъ только берегъ рыбу свою, привязавъ ее къ ногѣ обрывкомъ или поясомъ, да снарядъ.

Пришла весна — ледъ тронулся, рѣка вздулась, разлилась; утки, гуси, казарки

---

*) Ятовь — омутъ, въ который ложится красная рыба на зимовку. Она ложится тѣсно, въ нѣсколько ярусовъ, и спитъ: шумъ и стукъ ее въ то время не пугаетъ и ее просто ощупываютъ баграми и вытаскиваютъ.

потянулись огромными вереницами вслѣдъ за журавлями на сѣверъ — и Проклятовъ опять уже ладитъ бударку, снаряжаетъ плавенныя сѣти и тянется безъ–малаго 400 верстъ, сухимъ путемъ вверхъ по рѣкѣ, чтобы послѣ воротиться внизъ, домой, водою. Спросите у него, когда онъ, прищуривъ лѣвый глазъ, ровно прицѣливается, слѣдитъ низкую стаю лебедей, неужто–де–птица летитъ своимъ разумомъ въ указанный ею перелетъ? И онъ вамъ не–призадумавшись отвѣтитъ: «У звѣря не разумъ, а *побудка;* и птица въ перелетъ идетъ побудкой.» Итакъ побужденіе природы, которое мы, не зная по–русски, взяли изъ словаря иностраннаго и назвали инстинктомъ, слово, впрочемъ очень пріятное — Маркелъ Проклятовъ, не зная ни по–французски, ни по–нѣмецки, называетъ *побудкой*. Ему это простительно.

Проѣздомъ Проклятовъ у каждаго форпоста разспрашиваетъ обстоятельно стариковъ, т. е. смотрителей за водами и лѣсами, о томъ, «благополучно ли рыба съ осени ложилась, гдѣ и какъ вскатывалась и

каковъ надеженъ заловъ?» Гдѣ дорога подходитъ къ береговому яру, тамъ Проклятовъ оборачивается туда, куда его тянетъ носомъ на воду; жадно глядитъ на Уралъ и, по временамъ, какъ будто прислушивается и облизывается. Если вамъ случалось видѣть неистовыхъ голубятниковъ, псовыхъ и ружейныхъ охотниковъ, которые выходятъ изъ себя, если при нихъ только помянуть слово объ охотѣ, то можете вообразить себѣ и Проклятова. Сѣрые глаза его загораются каждый разъ, когда дѣло коснется рыбы и рыболовства; брови двигаются, играютъ, высокій лобъ сіяетъ, губы подбираются. У Проклятова не дрогнула бы рука приколоть всякаго, не говоря о киргизахъ на лѣвомъ берегу, приколоть на мѣстѣ, во время ходу рыбы, всякаго, кто осмѣлился бы напоить скотъ изъ Урала. «Рыба тотъ же звѣрь», говоритъ старикъ съ ожесточеніемъ, «шуму и людей боится; уйдетъ, а тамъ ищи ее.» Впрочемъ, казакъ нашъ сражался на своемъ вѣку не съ однимъ этимъ звѣремъ, съ красной рыбой; онъ, не говоря о

походахъ туда–сюда и о всегдашней войнѣ съ кайсаками, уходилъ не малое число кабановъ, когда молодъ былъ, въ гурьевскихъ камышахъ, а когда ихъ тамъ уже не стало, то на Прорвѣ и на устьѣ Эмбы. Кабанъ подсѣкъ даже подъ нимъ однажды коня. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ произшествій въ жизни Проклятова было съ нимъ по поводу охоты за кабанами, а именно: встрѣча глазъ–на–глазъ съ шутовкою или русалкою. Маркіанъ, вопреки закону, отправился однажды наканунѣ какого–то праздника, въ свѣтлую лунную ночь, на ночевье и, отъѣхавъ къ устью, черезъ Золотницкій проранъ, на бударкѣ своей, верстъ 15 отъ Гурьева, залегъ въ мертвой глуши и тиши близь проломанной кабаномъ тропы. Вскорѣ послышался отдаленный шелестъ, потомъ камышъ затрещалъ; ломится звѣрь, подумалъ Проклятовъ и взвелъ курокъ винтовки. Но звѣрь не показывается, а трескъ камыша, приближаясь постепенно со всѣхъ сторонъ, вдругъ до того усилился, что у Маркіана на головѣ волосъ поднялся

дыбомъ; не видать ничего, а камышъ трещитъ, валится и ломится кругомъ, будто огромный табунъ мчится по немъ на пролетъ. Проклятовъ привсталъ, отступилъ нѣсколько шаговъ къ убѣжищу своему, къ бударкѣ, а на возвышенномъ бугрѣ стоитъ передъ нимъ шутовка, нагая, съ разпущенными волосами; «сколько припомню», говоритъ старикъ «она была моложава и одной рукой какъ будто манила къ себѣ.» Сотворивъ крестъ и молитву, Маркіанъ сталъ отступать отъ нея задомъ, добрался до бударки, присѣлъ на колѣна, и, ухвативъ весло, ударился, сколько силъ было, домой.

Проклятова знали всѣ, какъ человѣка добродушнаго, который, не смотря на бѣдность свою, помогалъ многимъ, кто бывалъ въ нуждѣ или еще бѣднѣе его. Онъ жалѣлъ убить стараго пса, который жилъ у него годовъ десять и подъ старость сдѣлался калѣкой, «пусть живетъ нахлѣбникомъ», говаривалъ старикъ, «не обидитъ насъ, не объѣстъ». Но когда ему случилось сходить въ зимній степной

поискъ, на Бузачи, то онъ, отбивши тамъ пару навьюченныхъ верблюдовъ и замѣтивъ, что во вьюкахъ что–то жалобно пищало, не призадумавшись выкинулъ двухъ голыхъ ребятишекъ на снѣгъ, и спокойно, безъ оглядки, отправился своимъ путемъ. «Ничего, ваше благородіе», отвѣчалъ онъ послѣ офицеру, который хотѣлъ было, для порядку, побранить его, «ничего, *уснули*. Мамокъ что–ли съ собою возить для этихъ щенятъ», про себя сказалъ онъ разсмѣявшись, «еще у меня и свои–то можетъ статься сидятъ дома не ѣвши; нынѣ хлѣбъ рубль семь гривенъ за пудъ.»

Въ походѣ не брали Проклятова ни зной, ни стужа, ни холодъ, ни голодъ. «Обтерпѣлся», говаривалъ онъ, «да съ–измаленьку привыкъ; только лошади жаль, коли безъ корму стоитъ, а человѣку ничего не станется.» Изъ всего оружія казачьяго, Проклятовъ менѣе всего жаловалъ саблю, называя ее *темлякомъ,* который–де болтается безъ пользы. Винтовка на рожкахъ, изъ которой стрѣлялъ онъ лежа,

растянувшись ничкомъ на землѣ, и пика, которою работалъ, прихватывая по временамъ, гдѣ можно, гривки — вотъ вся его надежда. Въ открытую конную атаку онъ не хаживалъ; «не случилось», говоритъ, «да нашему брату ломовая атака и не сподручна»; крикомъ и гикомъ бралъ, врасплохъ бралъ, и съ тылу, и въ засадѣ; а подмѣтивъ гдѣ жидко, гдѣ проскочить и прорваться можно, не жалѣя коня, гналъ и билъ непріятеля до–нельзя и не щадилъ никого. «Коли бѣжитъ непріятель» говаривалъ Проклятовъ, «такъ развѣ въ землю отъ тебя уйдетъ, а то покидать его нельзя; гони со свѣту долой, покуда бѣжитъ, да не оглянется и не увидитъ, что ты за нимъ одинъ. И бей тоже, покуда бѣжитъ: опомнится да станетъ, такъ того гляди упрется и вся работа твоя пропала.» Старикъ любилъ винтовку свою на рожкахъ и привыкъ къ ней; стрѣлялъ съ молоду гусей, лебедей, утокъ, сайгаковъ, корсуковъ, кабановъ — все пулькой; но форменнымъ карабиномъ онъ очень обижался, на это у него были свои понятія

и разсужденія. Лошадь выѣзжалъ онъ всякую въ двѣ, три недѣли, не заботясь о томъ, бьетъ ли она только задомъ, или съ козла; подпругъ и катаура никогда туго не подтягивалъ, а считалъ плеть — нагайку лучшимъ самоучителемъ, безъ которой наука ни одному неучу не дается. Подпрукаетъ, подойдетъ, погладитъ, ухватитъ за уши, дастъ подержать сыну либо племяннику, накинетъ сѣдло, сядетъ — а тамъ дѣло уже поневолѣ пойдетъ своимъ чередомъ; сколько бы ни носила лошадь, сколько бы ни била, когда–нибудь да уходится и присмирѣетъ. Въ упряжку выѣздить иную, особенно киргизскую, помудренѣе, да и то ничего. Сперва бокомъ, за одинъ гужъ, вертись и вези какъ знаешь; а тамъ, какъ обойдется маленько, въ постромки, да въ оглобли. Плеть первая наука.

Не только на конѣ и на прѣсной водѣ, но и на морѣ Проклятовъ былъ какъ у себя дома. Съ–измаленьку привыкъ, дѣло домашнее. Онъ хаживалъ и на косныхъ и на посудахъ, кусовыхъ и разшивахъ, не только

изъ Гурьева въ Астрахань, но и къ Колпинскому кряжу и дальше. По близости въ своихъ водахъ, бывалъ Проклятовъ на морскомъ Курхайскомъ рыболовствѣ, въ одной артели съ другими, потому что одному собраться тяжело, а на Тюкъ–караганъ, Мангишлакъ и въ Кайдакъ хаживалъ по службѣ. Въ старые годы пускался онъ, бывало, и въ открытое море на бударкѣ своей, на крошечномъ долбленомъ челнокѣ, за лебедями, промышлялъ перьями и шкурками, и пухомъ; нынѣ промыслъ этотъ, какъ слишкомъ опасный, давно уже запрещенъ. Проклятовъ зналъ не хуже штурмана на зюйдъ–вестъ и нордъ–остъ, фокъ, гротъ, брамъ–топъ, какъ тамъ у нихъ называютъ топсель, зналъ шкотъ и галсъ и фалъ, хоть и называлъ обыкновенно послѣдній *подъемною снастью*. Проклятовъ былъ, самъ того не подозрѣвая, отчаянный морякъ; лавировалъ и боролся мастерски съ бурей и волнами, какъ съ своимъ братомъ; и это дѣлалъ онъ также отъ того, какъ объяснялся, что «привыкъ такъ съ

молодыхъ лѣтъ, что море у нихъ дѣло сосѣднее, подъ рукой.» Бывалъ онъ и въ относѣ на аханномъ рыболовствѣ*) и таскало его на льдинѣ по морю недѣли по двѣ; а между тѣмъ льдина все крошилась да крошилась, отъ волнъ и бури, и Проклятовъ видѣлъ день–за–днемъ и часъ–за–часомъ мокрую и холодную смерть подъ собою. Но Господь миловалъ, казака приносило опять моряной къ берегу. Тогда казакъ нашъ, бывало, тужитъ только о томъ, что снасти пропали и собраться бѣдняку опять не съ чѣмъ. Впрочемъ, если–бы и не вынесло его на льдинѣ, такъ казаку и на саняхъ ину пору изъ моря выѣхать удается, да не по льду, котораго уже нѣтъ, потому что его взломало бурей, разбило и разнесло, а таки просто на саняхъ по водѣ, по волнамъ: такъ по–крайней–мѣрѣ поправился недавно, на нашей памяти, товарищъ Проклятова, казакъ Дервяновъ, котораго таскало нѣсколько недѣль въ относѣ. Когда лошадь, въ крайнемъ положеніи этомъ, была уже

*) Аханное рыболовство выѣзжаютъ на саняхъ, по льду морскому. При морянѣ ледъ взламываетъ и спираетъ; ка за киговорятъ тогда: *шиханы ставить*. Если сдѣлается послѣ этого верховой вѣтеръ, то рыбаковъ уноситъ на огромныхъ пловучихъ льдинахъ въ открытое море. Это называется *быть въ относѣ*.

съѣдена, то Дервяновъ, какъ человѣкъ догадливый и запасливый, снявши съ нее шкуру, бурдюкомъ или дудкой, т. е. цѣликомъ, завязалъ ее на взрѣзахъ, подвелъ подъ сани, надулъ, привязалъ, и изъ оглобель сдѣлалъ весла, изъ кафтана парусъ, не знаю гротъ–ли, фокъ–ли, или брамъ–топъ, и добился на кораблѣ этомъ благополучно до встрѣчной рыбопромышленной посуды, вышедшей изъ Астрахани.

Наловилъ Проклятовъ много красной рыбы на вѣку своемъ; много икры надѣлалъ и много отправилъ этого товару, продавъ на мѣстѣ торговцамъ, въ Москву и въ Питеръ; была рыба его и за царской трапезой, когда случалось ему попадать на царское багренье, съ котораго отправляютъ, по древнему обычаю, ежегодно на почтовыхъ тройкахъ *Царскій кусъ* или такъ называемый *презентъ*; но самъ Проклятовъ по цѣлымъ годамъ и не отвѣдывалъ ни осетра, ни бѣлуги, ни шипа, ни севрюги; товаръ этотъ дорогъ, «не по рылу», какъ выражался старикъ. Онъ объѣдался

красной рыбы только въ лѣто, послѣ бузачинскаго походу, когда былъ въ гурьевской морской сотнѣ за приказнаго, и ходилъ съ есауломъ стеречь войсковыя воды, чтобы Астраханцы не обижали; тогда было у нихъ рыбы вдоволь, и хоть продавать ее не продавали, потому что за это строго взыскивается, а сами ѣли вволю. Дома варила хозяйка Проклятова по временамъ, когда ловъ разрѣшался, черную рыбу, а не то барановъ рѣзали, ѣли каймакъ*), а какъ посты всѣ соблюдались во всей строгости, такъ и приходилось въ году мѣсяцевъ шесть хлѣбать постную кашицу да пустыя щи. На походъ снабжала хозяйка своего казака кокурками), сколько можно было подвязать ихъ въ торока.**

Проклятовъ, какъ человѣкъ бывалый и обтертый, хоть и не рѣшился бы ѣсть изъ одной посуды съ киргизомъ или калмыкомъ «съ собачьей вѣрой», но нашего брата не совсѣмъ чуждался, а признавалъ

---

*) Каймакъ, упаренное до густоты молоко, со сливками и густыми пѣнками.
**) Кокурка, пшеничный хлѣбецъ, въ которомъ запечено яйцо. Оно держится такимъ образомъ очень долго.

человѣкомъ, таки развѣ мало чѣмъ хуже себя. Поэтому онъ готовъ былъ ѣсть съ нами изъ одной чашки, пить изъ одного ковша и не брезгалъ бы этимъ не только на походѣ, гдѣ все разрѣшается, но даже и дома; но хозяйка его была на этотъ счетъ другихъ мыслей и старинныхъ правилъ: за хлѣбъ соль она ни съ кого и ни за–что не взяла бы платы, потому что это смертный грѣхъ; но посуды своей она «скобленному рылу» не подала бы также ни за–что, а полагала, что собаку, собачью вѣру татарина и нашего брата бритоусца, можно кормить изъ одной общей посуды. Старикъ въ этомъ не смѣлъ больно съ нею спорить, а то бы она ему самому, какъ поганому, поставила щецъ на особицу, въ черепкѣ, какъ дѣлывала каждый разъ, какъ мужъ приходилъ изъ походу, покуда не принялъ еще отъ своихъ очистительную молитву. Разъ какъ–то Проклятовъ поставилъ для дорогаго гостя, котораго никакъ не хотѣлъ обидѣть, самоваръ и подалъ чайникъ и чашки; хозяйки въ ту пору не случилось дома, за–то послѣ онъ насилу кой–какъ

успокоилъ старуху, и ухаживалъ за нею, и упрашивалъ долго ее. Но и тутъ она, не бравши, какъ сказалъ я, ни за–что на свѣтѣ платы за хлѣбъ–соль, вытребовала съ проѣзжаго безъ всякихъ обиняковъ гривенникъ на очистительную для посуды молитву; не взяла его однакоже сама, чтобы не сочли этого платой, а просила отправить чашки и гривенникъ съ постороннимъ человѣкомъ къ старой дѣвкѣ, которая завѣдывала этимъ дѣломъ, и очистила опоганенную посуду! Хлопотъ за этимъ было много: этого нельзя было сдѣлать дома, а носили посуду на рѣку, сполоснули ее и прочли молитву.

Сыновья Проклятова были ребята нынѣшняго складу: высокіе, стройные и крѣпкіе какъ отецъ. Молодой народъ на Уралѣ чуть ли не рослѣе стараго, и, что Богъ дастъ впередъ, не изводится, а крѣпокъ и дюжъ. Какъ растутъ они, такъ росъ въ свое время и отецъ, такъ росли въ свое время дѣды и прадѣды ихъ; отмѣны нѣтъ никакой. Проклятовъ съ десяти годовъ пасъ табуны, ѣздилъ съ отцомъ на

рыболовство и, выставивъ на саняхъ или телегѣ значокъ, какую нибудь тряпицу, шапку, либо сапогъ, ѣхалъ берегомъ въ тысячной толпѣ саней и лошадей, провожалъ управлявшагося на водѣ отца и *зѣвалъ*, т. е. кричалъ, впродолженіи цѣлыхъ сутокъ во всю глотку. Безъ этого рыбакъ въ суматохѣ толпы не нашелъ бы вечеромъ, приставъ къ стану, повозки своей, а потому каждый съ воды и съ берегу даютъ другъ другу голосъ, *зѣваютъ*, и ровняются. Тутъ наостришь поневолѣ и глаза и ухо. Поэтому Проклятовъ и видѣлъ сѣрыми глазами своими ясно и чисто тамъ, гдѣ нашъ братъ не видалъ ничего кромѣ неба и земли; а гдѣ Проклятовъ, поглядѣвши, скажетъ бывало: «чуть мельтешитъ что–то», тамъ безъ хорошей подзорной трубы и не думай разгадать задачу. Онъ привыкъ и на морѣ вѣрно мѣрить разстояніе *закроями), и *завѣсивъ черни*, т. е. скрывшись отъ берегу, не видалъ его потому только, что берегъ былъ**

*) За крой –ра зстояніе, на которомъ судно на морѣ скрыва ется подъ кругозоромъ. Это верстъ 12.

уже подъ кругозоромъ и его нельзя было увидѣть ни въ какую трубу и стекла.

Грамотѣ Проклятовъ не выучился, за недосугомъ: вѣкъ на службѣ и въ работѣ. Ему грамота и не нужна; это дѣло родительницъ, которыя должны замаливать вольные и невольные грѣхи мужей, отцовъ, сыновей и братьевъ. Родительницы сидятъ себѣ дома, имъ дѣлать нечего какъ сохранять и соблюдать всѣ обычаи исконные и заботиться, по своимъ понятіямъ, о благѣ духовномъ. Пусть же отмаливаютъ за казаковъ, на которыхъ лежатъ заботы о благѣ насущномъ, промыслы и служба.

Скотъ ходитъ у казаковъ уральскихъ на подножномъ корму зиму и лѣто, круглый годъ, пастухи и табунщики ходятъ за нимъ въ ведро и въ ненастье, въ мятель, дождь, зной и стужу. Пастухъ и табунщикъ выгоняютъ скотъ свой на Уралѣ не съ рожкомъ и со свирѣлкой, какъ въ другихъ мѣстахъ, а съ винтовкой за плечомъ, съ копьемъ въ рукахъ и всегда верхомъ. Тамъ изъ станицы въ станицу рѣдко кто поѣдетъ

безъ оружія, и казакъ–ямщикъ садится къ вамъ на козлы съ ружьемъ и въ подсумкѣ, съ боевыми патронами. И такъ не мудрено, что Проклятовъ привыкъ къ винтовкѣ съизмала, съ двѣнадцати годовъ; въ опасномъ мѣстѣ всегда, не говоря ни слова и не дожидаясь приказанія, вынетъ бывало тряпицу изъ подъ курка, осмотритъ полку, прикроетъ ее огнивомъ и поставитъ курокъ на первый взводъ. Подъѣзжая къ станицѣ, онъ бережно опять закладываетъ полку мячикомъ или клочкомъ овчинки, спускаетъ на нее курокъ въ упоръ, а потомъ еще попробуетъ, не сыплется–ль порохъ съ полки, подбирая съ руки бережно каждое зернышко.

Случалось Проклятову и голодать по цѣлымъ суткамъ, и къ этому привыкъ онъ съ молоду. Лѣтомъ сносилъ онъ голодъ молча, зимой покрякивалъ и повертывался; лѣтомъ жевалъ отъ жажды свинцовую пульку или жеребеекъ, это холодитъ: зимой закусывалъ снѣжкомъ. Солодковый корень, челимъ*), лебеда, яйца мартышекъ, даже

*) Водяные орѣхи, которые выта скива ются со дна озеръ рогожа ми.

земляной хлѣбъ[**)] **и разныя другія съѣдомыя снадобья пропитывали его въ бѣдѣ по нѣскольку сутокъ сряду. Тамъ приходила опять пора, и Проклятовъ отъѣдался за прошедшее и за будущее. И добро и худо, и нужда и довольство живутъ *голмянами*, какъ выражался казакъ нашъ, т. е. порою, временемъ, полосою. Но конины и верблюжины Проклятовъ не сталъ бы ѣсть ни за–что; скорѣе, говоритъ, издохну, а такого грѣха на душу не возьму.**

Проклятовъ ходилъ подъ гладкой круглой стрижкой, какъ всѣ старовѣры наши, то есть не подъ русской, не въ скобку, а стригся просто, довольно гладко и ровно, кругомъ. Отправляясь съ полками на внѣшнюю службу, стригся онъ по–казачьи или *подъ айдаръ*. На Уралѣ ходилъ онъ постоянно въ хивинскомъ стеганомъ полосатомъ халатѣ и подпоясывался киргизской *калтой*, кожаннымъ ремнемъ съ карманомъ и съ ножемъ; по праздникамъ щеголялъ въ черной

[**)] За мѣча тельный лиша й Усть-Урта . Онъ ра стетъ, ка та ясь свободно по землѣ по ка мню, безъ всякой связи съ почвой. Въ немъ есть нѣкоторое сходство, судя по пита тельнымъ ка чества мъ, съ исла ндскимъ мохомъ и въ голодные годы его ѣдятъ. Вкусъ дурной, илова тый.

бархатной курткѣ или *круткѣ*, какъ онъ ее называлъ, можетъ быть, правильнѣе нашего. Зимой на немъ была высокая черная смушковая шапка, лѣтомъ синяя фуражка съ голубымъ околышемъ и съ козырькомъ. Сверхъ рубахи онъ всегда опоясывался плетенымъ узенькимъ поясомъ — обстоятельство въ глазахъ его большой важности, потому что въ рубахѣ безъ опояски ходятъ одни татары. И ребятишекъ маленькихъ хозяйка Проклятова тщательно всегда подпоясывала и била ихъ больно, если который изъ нихъ распоясывался или терялъ поясокъ: по опояскѣ этой и на томъ свѣтѣ отличаютъ ребятъ отъ некрещеныхъ татарчатъ и когда, въ прогулкѣ по вертоградамъ небеснымъ, разрѣшается имъ собирать виноградныя грозды, то у нихъ есть куда ихъ складывать, за пазуху: татарчатамъ же, напротивъ, винограду собирать не куда.

Проклятовъ дома, на Уралѣ, никогда не божился, а говорилъ «ей–ей» и «ни–ни»; никогда не говорилъ: спасибо, а «спаси тя Христосъ»; входя въ избу, останавливался

на порогѣ и говорилъ: «Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ!» и выжидалъ отвѣтнаго: аминь. Въ часовню ходилъ онъ не иначе какъ въ халатѣ на распашку и съ пояскомъ поверхъ рубахи. Но, принимая кровное участіе въ родномъ и общемъ дѣлѣ, онъ далъ обѣтъ, помолиться усердно въ православной церкви, если утвердятъ наконецъ окончательно за войскомъ сѣнокосы на лѣвомъ берегу Урала, камышъ–самару съ узенями и обезпечатъ угрожаемыя нашествіемъ астраханцевъ войсковыя морскія воды.

Такъ выросъ, такъ жилъ и такъ состарѣлся Проклятовъ, по крайней мѣрѣ сталъ сѣдѣть, хотя ему было не съ большимъ 50 лѣтъ, потому что написанъ изъ малолѣтнихъ въ казаки по 18–му году, дослуживалъ нынѣ 34–й годъ службы и, надѣясь на милость начальства, собирался въ отставные.

Онъ былъ много лѣтъ *линейнымъ*, вышелъ потомъ и въ *градскіе* казаки, тамъ опять попалъ въ линейные въ морскую

сотню. Въ *гражданскіе* или *городовые) онъ идти самъ не хотѣлъ, покуда силы есть и деньги нужны; но теперь уже поговаривалъ: «пора уважить старику, послужилъ Государю своему довольно и поставилъ за себя двухъ казаковъ, Вакха и Евпла.» Сыновья его получили малоизвѣстныя имена эти по заведенному на Уралѣ порядку, родившись за седьмицу до дня празднованія церковью памяти сихъ святыхъ. Отъ этого обычая тамъ не отступаютъ и Уральское войско представляетъ въ этомъ отношеніи полныя церковныя, дониконовскіе святцы. Спросите любова уральскаго_казака, какъ его зовутъ, и вы рѣдко услышите употребительное между нами имя. Но если хотите знать прозваніе казака и хотите, чтобы онъ понялъ вопросъ вашъ, то спросите его: *чей ты,* или *чьи вы*? или даже пожалуй: чей ты прозываешься? На вопросъ чей? казакъ отвѣтитъ: Карповъ,**

*) *Гра дскими* ка за ка ми на зыва ются всѣ служилые ка за ки, выста вляющіе отъ себя требуемые полки и кома нды на службу; *линей ными* тѣ, которые по на емкѣ или по мірскимъ подможнымъ деньга мъ, получа емымъ съ гра дскихъ, ежегодно охра няютъ линію, *гра жда нскими* ка за ки на зыва ютъ особое отдѣленіе ма лоспособныхъ и дряхлыхъ служилыхъ ка за ковъ, выста вляющихъ людей только въ городовыя кома нды и вообще на службу внутреннюю

Донсковъ, Харчовъ, Гавриловъ, Мальгинъ, Казаргинъ, и вы изъ окончанія видите, что это прямой отвѣтъ на вашъ вопросъ. Вы спрашиваете чей, т. е. изъ какой, изъ чьей семьи? онъ отвѣчаетъ: Донскова или сокращенно Донсковъ, Мальгина или Мальгинъ, и проч. Въ Сибири спрашиваютъ вмѣсто этого: *чьихъ вы?* и отъ этого вопроса произошли прозванія: *Кривыхъ, Нагихъ, Ильиныхъ* и проч.

Надобно вамъ еще сказать, что Маркіана Проклятова, какъ и всѣхъ земляковъ его, можно узнать по говору; онъ только слово вымолвитъ, и сказать ему положительно: ты уральскій казакъ. Также легко узнать по говору хозяйку его Харитину и дочерей Минодору и Гликерію, хотя въ говорѣ, въ произношеніи казаковъ и родительницъ ихъ нѣтъ ничего общаго. Казакъ говоритъ рѣзко, бойко, отрывисто; отмѣчаетъ языкомъ каждую согласную букву, налегаетъ на *р*, на *с*, на *т;* гласныя буквы, напротивъ, скрадываетъ: вы не услышите у него ни чистаго *а*, ни *о*, ни *у*. Родительницы, напротивъ, живучи

особнякомъ въ тѣсномъ кругу своемъ, вѣчно дома, всѣ безъ изъятія перенимаютъ другъ у друга шепелявить и произносить букву *л* мягче обыкновеннаго. Онѣ ходятъ гулять и веселиться на *синцикъ* въ *сё льковой субенкѣ*, а синчикъ называется у нихъ первоосенній ледъ, до пороши, по которому можно скользить въ нарядныхъ башмачкахъ и выставлять впередъ ножку, кричать, шумѣть и хохотать. Послѣднее, по строгому чину домашняго воспитанія, имъ рѣдко удается. Упомянемъ здѣсь еще, возвращаясь къ семейству Маркіана, что старшую дочь свою, Ксенію, старикъ отдалъ уже за–мужъ, а приданаго не далъ, по тамошнему обычаю, ни гроша; объ этомъ и рѣчи не бываетъ: женихъ, напротивъ, долженъ по уговору справить невѣстѣ *сороку,* головной женскій уборъ, замѣняющій со времени замужества, въ праздничные дни, дѣвичью *поднизь*. Есть сороки на Уралѣ въ 10 и 15 тысячъ. Тамъ дѣвки всѣ безприданницы, и обычай этотъ конечно ведется съ тѣхъ–поръ какъ ихъ

было еще мало, а холостежи казачьей набиралось много.

И такъ Маркіанъ Проклятовъ дослуживалъ 34–й годъ службы и глядѣлъ, хоть еще и крѣпокъ былъ, въ отставные, да не выпускали, велѣли послужить еще съ годъ, а тамъ обѣщали начать забирать справки. Между–тѣмъ потребовали съ Уралу полкъ въ турецкую войну. Вышелъ на базарную площадь въ Уральскѣ экзекуторъ войсковой канцеляріи, прежде дѣлывалъ это войсковой есаулъ, прочиталъ вслухъ казакамъ, которые собрались въ кружокъ и слушали снявъ шапки, что: «велѣно–де поставить полкъ къ такому–то числу, приходится пяти служивымъ казакамъ поставить одного; сборное мѣсто городъ Уральскъ.» Прочелъ и пошелъ домой, только и заботъ войсковому начальству, а полкъ къ сроку будетъ.

Заложилась наемка, какъ говорятъ казаки, или установилась цѣна, подможныхъ мірскихъ денегъ, по 800 рублей. Проклятову негдѣ взять двухъ–сотъ рублей на свою долю, надо идти

служить самому. Дай пойду, говоритъ, возьму еще разъ деньжонки, авось въ послѣдній самъ соберусь и своихъ надѣлю и послужу на послѣдяхъ Великому Государю.

Пошелъ, запѣлъ опять пѣсни, обзавелся трубкой, добылъ на походъ чубараго коня, оба уха и ноздри пороты, и рѣдкой прыти. Полкъ пробылъ два года въ Турціи, тутъ еще позадержали въ Польшѣ слишкомъ годъ, наконецъ спустили; пошли домой, на Уралъ. Выбыло изъ полка однако–же человѣкъ полтораста.

Большой былъ праздникъ въ Уральскѣ, когда вступилъ туда съ пѣснями 4–й полкъ. Родительницы выѣхали на встрѣчу изъ всѣхъ низовыхъ станицъ, усѣяли всю дорогу отъ города верстъ на десять; вынесли узелки, узелочки, мѣшечки, стклянницы, штофчики, сулейки, все, вишь, жалѣючи своихъ, думаютъ голодные прійдутъ, такъ напоить и покормить. Стоитъ старуха въ синемъ кумачномъ сарафанѣ, повязанная чернымъ китайчатымъ платкомъ, держитъ въ рукахъ узелокъ и

бутылочку, кланяется низехонько, спрашиваетъ: «Проклятовъ, родные мои, гдѣ Маркіанъ?» не слыхать голосу ея изъ за пѣсенниковъ, подходитъ она ближе, достаетъ рукой казака: «гдѣ Проклятовъ?» Сзади матушка, сзади. Идетъ вторая сотня, спрашиваетъ старуха: «гдѣ–же Маркіанъ Елисѣевичъ Проклятовъ, спаси васъ Христосъ и помилуй, гдѣ Проклятовъ?» Сзади, говорятъ. Идетъ третія сотня — тотъ же привѣтъ, тотъ же отвѣтъ. Идетъ и послѣдняя сотня, прошелъ и послѣдній взводъ послѣдней сотни, а всѣ казаки говорятъ ей, кивнувъ головою назадъ: «сзади, матушка, сзади.» Когда прошелъ и обозъ и всѣ отвѣчали *сзади,* то Харитина догадалась и поняла въ чемъ дѣло — ударилась объ–земь и завопила страшнымъ голосомъ. Казаки увели ее домой, а Маркіана своего она уже болѣе не видала.

В. ДАЛЬ